

Глава первая

Первым тревожным сигналом должно было стать то, что Роджер сказал, что встретится со мной в Виннипеге.

"У меня собеседование накануне, так что я приеду пораньше, и ты сможешь встретиться со мной там".

Вторым вопросом были билеты.

"Я возьму билеты по дороге туда. Ты получишь их на обратном пути. Я отдам тебе твои, когда мы встретимся на вокзале".

Третьим было то, что он не брал трубку, когда я пыталась позвонить ему и сказать, что еду на автобусе в Виннипег.

Четвертым и пятым были текстовые сообщения, на которые он не отвечал, пока я ехала в автобусе.

Шестым был телефонный звонок без ответа, когда я приехала на вокзал.

Седьмым было фото от Кристен, на котором Роджер запечатлен со своими друзьями в "Тимми", дома.

Не хотелось бы сообщать плохие новости - это была ложь, она, наверное, ликовала от радости, - но они хвастались, что обманули тебя, заставив думать, что Роджер собирается отвезти тебя в Монреаль.

Я снова попыталась позвонить Роджеру, но звонок попал на голосовую почту. Секунды спустя, еще одно сообщение от Кристен.

Ты только что пыталась ему позвонить? Они смеются. Мне так жаль, Лейси.

Я не ответила ей, предпочтя вместо этого написать Роджеру.

Ха, ха. Ты меня раскусил. Я прикусила губу, пытаюсь подобрать нужные слова. Почему?

Он не ответил сразу, как и Кристен. Когда он наконец ответил, мое сердце остановилось где-то в районе тонкого кишечника.

Серьезно? Не могу поверить, что ты купилась на это. Я просто хотел тебя трахнуть, но ты такой

чертовски хороший. Прости, не прости.

Это сопровождалось фотографией, на которой он и его друзья внутри "Тимми", отмахиваются от камеры.

Знаете фильмы, где герой часами сидит на скамейке, а размытый монтаж проносящихся мимо людей показывает течение времени? И это должно быть все художественно, осмысленно и все такое?

Я всегда считал эти сцены такими глупыми. Кто будет сидеть часами напролет, уставившись в стену? Я, конечно, могу сидеть спокойно и бездумно смотреть на вещи. Любая хорошая девушка, посещающая церковь, может. Тем не менее, я не могла представить себе ни одного сценария, при котором я бы делала это просто из-за какого-то эмоционального опустошения.

Тем летом я узнала о себе много нового. Первое: я вполне могла сидеть на скамейке на вокзале, застыв в нерешительности, стараясь не показать на лице душевную боль.

Многие вещи мешали мне двигаться. Смущение. Вышеупомянутая нерешительность. Предательство. Выбирайте сами. Но я была именно такой, как на картинке. Наивная девочка из маленького городка, рюкзак прижат к груди, она сидит на краю металлической скамейки и смотрит на кирпичную стену, а страх, гнев и печаль парализуют ее.

Мир проносился вокруг меня. Кричащие дети бегали со своими семьями. Старики держали за руки своих жен, провожая их на платформу. Студенты колледжа, люди моего возраста, строили планы, как они пронесут в поезд алкоголь и травку.

И все равно я сидел.

Я мог бы поступить разумно и просто купить билет на автобус до дома, со стыдом повесить голову, пока мы ехали обратно в этот безымянный городок. Но что-то внутри меня не позволяло этого сделать. Во всем этом была моя собственная вина. Я доверяла Роджеру. Я простила его. Я подставила другую щеку и тем самым закрыла глаза на очевидную ошибку, которую совершила.

Мы с Роджером выросли в одном и том же безымянном маленьком городке, который не более чем пятно на карте. Таких, которые все одинаковые, но все разные. Наш городок находился к северу от Виннипега, Манитоба, достаточно далеко, чтобы поездка в город занимала не один день, но достаточно близко, чтобы регулярно ходил автобус.

В этом маленьком городке Роджер Свифт был воплощением сердцееда. Конечно, он был хоккейным мальчиком, как и все желанные мужчины в любом маленьком канадском городке. Высокий, с широкими плечами и лохматыми светлыми волосами, с носом, лишь немного искривленным от случайного попадания шайбы, он играл в центре в юношеской хоккейной команде, которая находилась в трех городах отсюда. Главной славой Роджера было то, что его

чуть было не забрали в НХЛ.

Он не прошел отбор, но был ближе, чем многие другие. Он был настоящим героем родного города, из тех, кто не может сделать ничего плохого.

Где-то, в идеальной вселенной, которая существует только в романтических комедиях, мы с Роджером были бы школьными возлюбленными. Мы бы поженились в 20 лет, а к 22 годам - а именно столько нам было тем летом - у нас было бы одно или два крошечных благословения, подпрыгивающих на наших бедрах, когда мы посещали светские мероприятия и хоккейные турниры.

Дочь проповедника и красивый спортсмен должны быть вместе. По крайней мере, так происходит в хоккейных городах, где чирлидеры не являются чем-то особенным.

Но это срabатывает только в том случае, если дочь проповедника соответствует определенным стандартам. Вы знаете, дочь проповедника, которую вы представляли, когда я сказала, что я дочь проповедника. Идеально красивая, с сияющей кожей и упругими локонами. Целомудренно невинная в глазах общества, ее отца и ее Отца, но готовая воспользоваться Божьей лазейкой, поскольку это означает, что технически она все еще девственница.

Я не была такой дочерью проповедника, потому что мой отец не был таким проповедником. Когда люди спрашивали, какой я религии, я просто отвечала, что христианской: не было смысла объяснять, как деноминация разделилась на ветви, которые сформировались в секты, ставшие маленькой церковью, частью которой была моя семья. Как и мой город, это не имело значения. Лучше быть безымянным.

Я была из тех дочерей проповедника, которые утверждали, что Лазейка недействительна, поскольку содомия тоже считалась грехом. Несмотря на то, чему учил мой отец в своей церкви, я не считала содомию особенно греховной, как и не думала, что люди попадают в ад за секс до брака. Просто люди склонны верить, что вы "бережете себя для брака", когда начинаете спорить с ними о богословии.

К тому же, если смотреть так же просто, как я, никто не стремится совратить милую, наивную девственницу. У милых, наивных девственниц должны быть румяные щеки и толстые губы, которые чуть-чуть слишком знойны, грудь, которая заставляет скромные блузки тянуться чуть-чуть слишком сильно. Они не должны быть грудастыми, веснушчатými девушками с глазами как у лягушки и волосами прямее церковной скамьи.

Все это означало, что даже несмотря на мою готовность немного оттолкнуться от книги в вопросе "секса до брака", никто не просил меня об этом.

Несмотря на мой страх послушаться отца, я во многом придерживался этой точки зрения. В детстве я дружила с девочкой по имени Делайла, которая жила на соседней улице. Семья Делайлы была религиозной, но они не ходили в нашу церковь. Мама сказала, что они были католиками, что, очевидно, означало, что они были неправильными христианами.

Я был очарован Делайлой и католиками. Она рассказывала мне об их службах, на которых, казалось, было гораздо меньше криков и осуждения, чем на службах моего отца, и о таких вещах, как святые.

Мой отец считал святых ложными идолами. Я знал об этом только потому, что однажды, после того как Делайла рассказала мне о всех святых, я совершил ошибку, рассказав ему о том, что узнал. Он запретил мне встречаться с Делайлой, проклиная ее семью за то, что она развратила мой невинный разум разговорами о пророках зла.

Я так и не рассказал ему об этом, но попросил Делайлу рассказать мне о святых в школе. Мой отец не будет знать, рассуждала я, и я не могла понять, почему ее версия церкви - зло, а моя версия церкви - нет. Делайла с радостью согласилась и каждый день приносила мне книги и рассказы. Я выучил молитву святого Франциска, узнал, что святой Валентин - покровитель не только любви, но и пчеловодов, и запомнил тривиальные подробности даже о самых малоизвестных святых, таких как святой Блез, которому я молился всякий раз, когда нам нужно было отвезти кошку к ветеринару.

Я просто не понимала, почему святые - это плохо. Что может быть плохого в том, чтобы попросить у особо святого человека поддержки в обращении к Богу за помощью? Мой отец сказал "нет", но я думал, что Бог поймет, почему я хочу знать о них больше.

Это был еще один способ показать, что я не была типичной дочерью проповедника.

Я не была дочерью проповедника, которая невинно улыбалась, стоя рядом со своей семьей в церкви, но демонстрировала свои трусики мальчикам, когда ее отец не смотрел. Нет, я была дочерью проповедника, которая в 22 года все еще жила в своей детской спальне, по крайней мере, во время каникул вдали от частного колледжа для девочек, которая без иронии носила золотой крестик на шее, не пользовалась ничем, кроме блеска для губ, и никогда не держалась за руку с мальчиком.

Нет, не потому, что мне нравились девочки.

Не то чтобы в этом было что-то плохое. Иисус любит всех.

Несмотря на то, что сказал бы мой отец, конечно. Он... традиционный, я думаю, это было бы хорошим словом. Человек должен почитать своих мать и отца, так написано в Библии.

Однако Библия не говорит, что делать, когда отец говорит сыну, что он извращенец, обреченный на вечность, и что если ты хоть раз произнесешь имя Шона после того, как он навсегда покинет дом, ты вызовешь драку, которая была бы в пору для Откровения. Твой отец скажет, что там сказано побивать грешников камнями, но там также сказано любить друг друга и что убийство - это грех.

Он также не говорит вам, что делать, когда вы начинаете сомневаться в том, чему вас учили и

в чем вас воспитывали. Она не говорит вам, что делать, когда вы узнаете, что другие девушки в вашем религиозном колледже считают ваши убеждения фанатичными даже для христиан. Она не говорит вам, что делать, когда вы слишком напуганы, чтобы противостоять своим родителям. Она не говорит вам, что делать, если вы каждый день скучаете по своему брату.

Она просто говорит вам: "Почитай отца твоего и мать твою".

Я забегаю вперед. Я говорил о Роджере, который был катализатором всей этой богомерзкой ситуации.

Дело вот в чем: хоккейный сердцеед не должен быть с дочерью проповедника, у которой грудь среднего размера, вздернутый нос и веснушки, покрывающие каждый дюйм кожи. Я была глупа, когда думала, что в любой момент моей жизни Роджер Свифт проявлял ко мне интерес. Я была глупа, что влюбилась в огромного, глупого, нелепого парня, который был так же груб со мной, как Роджер.

Он ужасно относился ко мне, пока мы росли. Не раз он крал мои тетради или выбрасывал мой рюкзак в сугроб. Не раз я подставлял другую щеку и прощал его. Не раз я искренне верила ему, когда он говорил, что изменился.

Последний раз это было месяц назад.

Я была дома на лето. Ну, домой после окончания школы, так что, думаю, я была дома, пока не решила, что делать дальше. Моя подруга Кристен тоже вернулась. Мы ходили в одну и ту же начальную, среднюю, старшую школу и колледж. Я полагаю, что мы были друзьями, но это была дружба по расчету. Кроме того, что мы жили в одном городе и имели сильно религиозные семьи, мы были не так уж похожи.

Тем не менее, в тот день мы собирались пообедать. Удобство - сильный мотиватор.

Роджер вошел в "Тимми" с Алексом Макконнеллом и Кертисом Заковски сразу после того, как мы закончили делать заказ и ждали свою еду у линии сэндвичей. Кристен подтолкнула меня.

"Смотри, кто это".

Роджер подтолкнул Кертиса, когда тот наклонил голову в нашу сторону. Наши глаза встретились, когда он оглянулся назад.

Чего бы я ни ожидала, его лицо не засветилось.

"Лейси Стивенс!" - воскликнул он, подбегая к нам. "О, и Кристен, как ты?".

"Прекрасно", - холодно ответила она.

Прежде чем я поняла, что происходит, Роджер обхватил меня своими мускулистыми руками. Как только объятия начались, так же быстро они и закончились, и он отступил назад, держа руку на моей руке.

"Черт, Лейси, посмотри на себя. Столько лет прошло. Ты отлично выглядишь".

Кристен насмехалась, но я была польщена. "Спасибо, Роджер. Рада тебя видеть".

"Ты... вау". Он покачал головой, по его лицу расплзлась однобокая ухмылка. "Девочки, вы обедаете? Не возражаете, если я и мальчики присоединимся к вам?"

Кристен была не против, но в Библии сказано любить ближнего своего.

После обеда она ушла домой, а я остался у Тимми с Роджером и его друзьями еще на пару часов.

На следующий день мы снова встретились за обедом, но уже без его друзей.

Это был пятый или шестой раз, когда мы встретились за обедом, когда он подбросил мне идею.

"Если бы ты мог путешествовать куда угодно, куда бы ты отправился?"

"О, на самом деле я бы никуда не поехал".

"Если бы ничто не стояло на твоём пути. Ни деньги, ни обязательства, ни что-либо еще, что бы ты сделал?"

Я задумался на мгновение. "Я не знаю. Я никогда не был дальше Виннипега".

Роджер поднял брови. "Никогда?"

По моим щекам пополз румянец. "Нет".

"Даже до, я не знаю, как... как Саскачеван?"

Я покачала головой, смутившись.

Роджер изучал меня, интенсивные голубые глаза сосредоточились на моем лице, а затем протянул руку через стол и положил свою на мою. Мое сердце заколотилось от внезапного тепла его пальцев.

"Давай отправимся в путешествие", - сказал он. "Ты и я".

"Ты..."

"Ага".

"...и я?"

Роджер усмехнулся. "Да. Давай поедem в... не знаю, в Монреаль".

Я попыталась рассмеяться, но его рука все еще лежала на моей, и это невероятно отвлекало. "Как мы вообще туда доберемся?"

"Мы могли бы поехать на поезде".

Мы планировали провести длинные выходные на День Канады в Монреале. С учетом всех остановок и пересадок на поезд, на дорогу уйдет около трех дней, поэтому мы планировали выехать 26 июня. Таким образом, у меня оставалось всего несколько коротких недель, чтобы придумать, как именно я собираюсь сказать родителям, что не только впервые еду за пределы провинции, но и буду путешествовать с мальчиком.

И что этот мальчик - Роджер Свифт.

Я нервничала не без причины. В последний раз, когда кто-то из его детей совершил что-то, что он посчитал грехом, мой отец отрекся от него.

Мой брат Шон был старше меня на четыре года, и на него я равнялся больше всех на свете. Он был моим личным героем. В детстве я не понимал, почему люди считали Шона проблемным. Я знал, что он приходил домой из школы весь в синяках и царапинах, и я знал, что хоккейные мальчишки его недолюбливали, но я думал, что это потому, что Шон всегда поступал правильно.

Он всегда защищал людей. Когда Роджер воровал мой рюкзак и выбрасывал мои книги в сугроб, Шон хватал его и отталкивал. Когда другие мальчики прыгали на него и начинали пинать, он кричал мне, чтобы я бежал. Как бы я ни хотел помочь ему, убедиться, что он в безопасности, я был слишком напуган. Каждый раз я убегал.

Я не знал, что означают слова, которыми они называли моего брата. Когда они называли его

"педиком", я не понимал. Когда они называли его "педиком", я думал, что они имеют в виду, что он странный.

Только когда я услышал, как мой отец выкрикивает эти слова в его адрес, я понял.

Он ушел из дома в тот же день, когда я услышал эти слова из уст отца, и с тех пор я его не видел. Ему было семнадцать, когда он ушел.

"Ушел" - не то слово, но никто никогда не говорил мне, сбежал ли он или его заставили уйти.

Мне было всего тринадцать, я был еще молод, но уже достаточно взрослым, чтобы понять, что такое "гей". Я был достаточно молод, чтобы мои родители все еще формировали мое мышление. Достаточно взрослый, чтобы сомневаться в том, чему меня учили.

Независимо от возраста, я не был достаточно храбр, чтобы помочь брату, когда он нуждался во мне.

Это было воскресенье, как и любое другое, середина зимы и лютый мороз. Наш отец уже был в приходе, готовясь к утренней службе. Мама следила за тем, чтобы мы с Шоном выглядели презентабельно, а затем как можно быстрее усадила нас в машину. Я играла на фортепиано в церковном хоре, поэтому, когда мы приехали, Шон и мама направились к скамьям, а я прошла вперед.

Это была не очень большая церковь. Здание было старым, построенным из дерева и молитв, спереди было достаточно места для небольшого хора и пианино рядом с алтарем. Была одна ступенька на помост, чтобы мой отец мог видеть толпу, и никакой звуковой системы: вряд ли она была нужна в таком маленьком помещении.

С того места, где я сидел за пианино, я видел все.

Я видел, как незнакомый мне мальчик дал Шону сборник гимнов.

Я видел, как Шон крепко сжимал книгу на протяжении почти всей службы.

Я видел, как он спрятал ее за другой книгой, когда ему нужно было встать для причастия.

Мама вернулась с причастия первой. Специально ли она взяла его книгу или просто схватила ее, не задумываясь, я никогда не узнаю.

Шон вошел на скамью в то самое время, когда она открыла сборник гимнов. Она уже начала петь, поэтому, когда она увидела то, что увидела в книге, из ее горла резко вырвалась высокочастотная нота. Лицо Шона опустилось, став таким бледным, каким я когда-либо

видела, чтобы кто-то бледнел, а затем покраснело от основания шеи до кончиков ушей.

Почему мой отец пришел проверить ее, я тоже никогда не узнаю. В моих воспоминаниях мама пыталась закрыть книгу и спрятать ее, но он поймал ее запястье прежде, чем она успела это сделать. Я так и не узнал, было ли это на самом деле, или она отдала книгу отцу добровольно.

Я знаю только, что его лицо стало такого же оттенка, как у Шона, но его глаза были наполнены такой яростью, о которой я никогда не думала.

Мы покинули службу с мамой сразу после ее окончания, пропустив нашу обычную очередь в сторону отца. Она безрассудно ехала по городу, шины скользили по льду, прежде чем бессистемно припарковаться на подъездной дорожке. Глаза Шона были опухшими и красными, слезы текли по его лицу, и никто не произнес ни слова.

Он был дома достаточно долго, чтобы бросить в сумку вещи первой необходимости.

"Что происходит?" спросил я в отчаянии, но ни он, ни мама не ответили.

"Шон, что случилось? Почему ты плачешь? Мам, почему он собирает вещи?"

"Он собирает вещи, потому что он грешник. Извращенный педик".

Я не слышала, как отец вернулся домой, и подпрыгнула, когда его голос взлетел по лестнице.

"Лейси, иди в свою комнату".

"Но..."

"Иди в свою комнату и оставайся там, пока я не разрешу тебе выйти".

Я должна была защищать своего брата. Вместо этого я трусила в своей комнате, пока они кричали друг на друга, бросая отвратительные слова туда-сюда. Я молился, прося Бога о помощи, умоляя Его прекратить крики. Все это время я бешено листала свою Библию, пытаюсь найти ту часть, где говорилось, что Шон не может жить с нами, если он гей. Страницы рвались, когда я читала, капли слез пачкали тонкую бумагу, когда мой отец и мой брат кричали друг на друга.

В доме внезапно стало тихо, нарушаемой только громким хлопаньем двери. Я бросилась к окну и увидела, как Шон идет по заснеженной улице с рюкзаком на плече. Он поскользнулся на льду и чуть не упал, прежде чем зацепился за припаркованную машину, выпрямился и исчез.

Отец не разрешил мне выходить из своей комнаты, и я просидел там до конца дня. Я смотрел в окно, надеясь, что Шон проскользнет обратно по улице, но он так и не появился.

Когда мама наконец пришла в мою комнату, ее глаза были красными. Она принесла сэндвич на тарелке и протянула его мне.

<http://erolate.com/book/86/671>